

Мифологема Агасфера в русской поэзии XX века // Вісник Харківського Національного університету ім. В.Н.Каразіна. – № 936. Серія Філологія. Випуск 61. – Харків, 2011. – С.160-166

УДК 826.161.1/82-1

Н.И.Ильинская

Херсонский государственный университет

Мифологема Агасфера в русской поэзии XX века

Ільїнська Н.І. Мифологема Агасфера в російській поезії ХХст.

Предметом дослідження є художнє втілення мифологеми Агасфера як архетипу безсмертя в культурній пам'яті поезії ХХ століття. У статті представлені трансформації мифологеми у творчості Н. Мінського і Ю.Кузнецова. Виходячи з ідейно-тематичного «ядра» легенди, виявлені типологічні подібності, проаналізовані відмінності, пов'язані з жанровою природою творів і авторською мифотворчістю.

Ключові слова: мифологема, алюзія, мотив безсмертя, блукання, екзистенційна самотність, індивідуалізм, секулярна свідомість

Ilyinska N. Ahasver's mythologem in Russian poetry of the XXth century

The subject of research is artistic incarnation of Ahasver's mythologem as archetype of immortality in cultural memory of the 20th century poetry. In the article mythologem transformations in creative work of N. Minskiy and Yu. Kuznetsov are presented. Proceeding from idea-subject "nucleus" of the legend, typological similarities are brought to light and differences related to genre nature and authorial mythicizing are analysed.

Key words: mythologem, allusions, motive of immortality, wandering, existential loneliness, individualism, secular consciousness

Ильинская Н.И. Мифологема Агасфера в русской поэзии XX века

Предметом исследования является художественное воплощение мифологеми Агасфера как архетипа бессмертия в культурной памяти поэзии ХХ века. В статье представлены трансформации мифологеми в творчестве Н. Минского и Ю.Кузнецова. Исходя из идейно-тематического «ядра» легенды, выявлены типологические схождения, проанализированы отличия, связанные с жанровой природой произведений и авторским мифотворчеством.

Ключевые слова: мифологема, аллюзия, мотив бессмертия, блуждание, экзистенциальное одиночество, индивидуализм, секулярное сознание

Духовно-философские искания в русской поэзии типологически сближают переходные рубежи ХХ века. Художественно они воплощаются в различных неомифах, в индивидуальных поэтических мирах, отражая как универсалии, так и онтологические, культурные запросы своего времени. Другое дело, что в результате семидесятилетнего господства атеизма как государственной религии

многие духовные проблемы приходится «открывать» заново.

О «вековечных» вопросах: есть ли Бог, бессмертна ли душа, думают и спорят не только «русские мальчики» Достоевского. Большинство мифологий и религий мира уверены в том, со смертью все не кончается. Отсюда возникают вопросы иного плана: что такое жизнь вечная, возможно ли бессмертие и является ли оно для человека Абсолютным Добром? Одной из первых на них отвечает Библия, рассказывая о двух видах бессмертия (речь идет о смертных, а не о Богочеловеке). В первом случае избежать смерти удастся ветхозаветным пророкам-праведникам Илии и Еноху, которые дожидаются эсхатологической развязки. Во втором – на вечные скитания со знаком проклятья на лбу обречен братоубийца Каин. Аналогичному наказанию подвергается Пиндола из буддистской легенды. Но его Будда приговаривает к бессмертию за его заносчивость, сказав: «Пока существует мой закон, ты не попадешь в нирвану» [9].

Мотив бессмертия находит яркое воплощение в апокрифической легенде об Агасфере. Существует несколько ее вариантов, отражающих преимущественно изменения национальной топики при общей фабуле. Легенда повествует, как по пути на Голгофу смертельно уставший от тяжести креста Иисус хочет остановиться возле дома Агасфера для кратковременного отдыха. Однако он оскорбительно приказывает Господу идти дальше. В наказание Агасфер, названный Вечным Жидом, обречен скитаться из века в век, дожидаясь Второго Пришествия Христа, поскольку только Он один может снять с него этот зарок [6 : 34]. Этот небольшой сюжет порождает самые различные трактовки.

Одна из них сводится к мести божества человеку, против него согрешившему, в результате чего он осужден на вечное скитание или вечные муки. Мотив этот отражает мировоззрение патриархально-родового строя, когда богам приписываются те же обычаи и нравы, что царят среди людей. В этом контексте близкими к Агасферу являются мифы о Прометее, Сизифе, легенды о Тангейзере и Летучем голландце. По-видимому, легенда об Агасфере также несет в себе следы двоеверия. Следовательно, присущие

мифологическому сознанию «типы бессмертия» в самом общем виде можно свести к двум основным: награда за праведность (в христианстве – «жизнь вечная») и месть / наказание за грехи. В художественной литературе мифологема бессмертия значительно усложняется.

Как представляется, секрет особенной притягательности во всех смыслах «бродячего» сюжета о Странствующем Жиде заключается, во-первых, в его архетипичности. Широко известны слова К. Юнга о том, что не называйся он Агасфером, «все равно возник бы под другим именем» [14 : 296]. Во-вторых, авторов привлекает структурный принцип легенды, названный С. Аверинцевым «двойным парадоксом». Суть его в том, что «темное и светлое дважды меняются местами: бессмертие, желанная цель человеческих усилий в данном случае оборачивается проклятием, а проклятие – милостью (шансом искупления)» [6 : 34]. Начиная со второй половины XVIII столетия и заканчивая новейшей литературой конца XX – начала XXI века, образ Вечного Жида занимает воображение самых различных авторов. В зависимости от их творческой индивидуальности предлагаются просветительские, преромантические, романтические, модернистские, постмодернистские его интерпретации.

В нашей работе остановимся на специфике мифологемы Агасфера в русской поэзии XX века в творчестве таких непохожих авторов, как Николай Минский и Юрий Кузнецов. Задача исследования – выявить типологические особенности художественного воплощения мифологемы Агасфера в поэзии XX века, исходя из основного «ядра» легенды; проанализировать отличия, связанные с жанровой природой произведений и авторским мифотворчеством.

Несколько слов о степени изученности проблемы. Она различная. А.Е. Нямцу, рассматривая традиционные структуры и сюжеты, вводит понятие «агасферовского комплекса», под которым понимает «такое нравственно-психологическое состояние бессмертного индивидуума, при котором обладатель вечной жизни проходит через бесконечно повторяющееся количество однотипных ситуаций и состояний, вследствие чего они полностью

утрачивают свою поведенческую и эмоционально- психологическую новизну. <...> В результате этого вечная жизнь начинает восприниматься как мучительное наказание: бессмертный оказывается изолированным от мира людей, обреченным на одиночество, и как следствие – перестает ценить будущее, живя в замкнутом, постоянно повторяющемся настоящем» [7 : 127]. Как представляется, в поэзии XX века этот «комплекс» значительно сложнее и стереоскопичнее.

Наиболее полно исследован образ Агасфера в лирике Н. Минского. Он рассматривается в традиционной ее постановке: в контексте еврейской темы в русской литературе первого рубежа XX как обобщение еврейской судьбы в истории и культуре [8]. Интерес Н. Минского к образу Агасфера увязывается с кризисом исторического христианства и духовными поисками в русле теорий персонализма (монография Людмилы Павловны Щенниковой «Русский поэтический неоромантизм 1880-1890-х годов. Эстетика. Мифология. Феноменология. [12]). Известным славистом А. Ханзен-Леве каталогизированы в поэзии раннего («диаволического») символизма мотивы блуждания, бесцельности и бесконечности, «вечной жизни» как проклятия, связанные с образами Агасфера и Каина [13]. Образ Агасфера в поэзии Ю.Кузнецова не исследовался вовсе.

В поэзии Н.Минского образ Вечного Жида представлен в восьми стихотворениях, которые литературоведы традиционно называют циклом об Агасфере (см., например, монографию А. Ханзен-Леве [13 : 122]). Насколько нам известно, цикл не является авторским. Стихи, в него входящие, не объединены одним заглавием, отсутствует эдициональная оформленность (нумерация текстов, графические особенности). Тем не менее, есть все основания согласиться с этим жанровым определением. Как представляется, можно зафиксировать следующие признаки циклизации: присутствует лирический персонаж в роли объединяющего / концептуального начала (образ Вечного Жида); единая сквозная тема (персоналистические поиски Бога в ситуации, когда Бог умер и остался один человек); система переплетающихся

инвариантных мотивов (мотив бессмертия как проклятия, экзистенциального одиночества, мотив бесцельного блуждания; эсхатологических пророчеств; утраты идеалов и святынь; деструктивного влияния прогресса, мотив тоски и скорби, обретение надежды на «свет»).

Как известно, к циклообразующим элементам относятся смысловые трансформации повторяющегося слова или образа (так называемые «ключевые слова» или, по образному высказыванию А. Блока, «слова-звезды», «слова-острия»). В данном случае можно выделить ряд сквозных образов, лексем и словосочетаний, составляющих тематические «гнезда». Например, показателен семантический ряд, передающий через эмотивно окрашенную лексику духовное и душевное состояние Агасфера: это тоска, печаль души могучей, скорбь, стон души, отчаяние, жалость, души тревога, страстный дух, измученный надеждой и тоской, страдания неземные и т.д. Или, скажем, тематические «гнезда», которые охватывают пространственно-временные координаты, фиксирующие передвижение Агасфера «по горизонтали» (пространство) и «по вертикали» (трансцендентность и время): пустыня, глухое распутие времен, порог, века скитаний, бесцельный круг, бег «из края в край», бездна немая, безбрежная вселенная, перепутье дорог, безмолвье тюрьмы.

Акцентируем один весьма существенный момент. Как известно, представление о жизни как о пути / дороге в противовес бесовскому кружению / блужданию широко распространено в различных мифологических и религиозных традициях. Все многочисленные передвижения Странствующего Жида через века, эпохи, тысячелетия, космические и географические пространства имеют негативные коннотации бесцельного движения (эта особенность детально проанализирована А.Ханзен-Леве), кроме двух ситуаций, в которых передвижение называется «путем», то есть оценивается положительно как имеющее определенную цель. Одна из них – аллюзия на библейский сюжет из жизни Святого семейства – бегство в Египет («Перед сфинксом»); вторая – сон Агасфера на «перепутьи дорог», то есть в ситуации выбора.

В первом случае Агасфер напоминает сфинксу о той ночи, когда к нему пришли «жена и муж с Младенцем Чудным, / Их звезды яркие вели / Путем далеким и безлюдным. / В ту ночь прохладой тихих крыл / Пустыни зной овеян был. На небе метеор все ярче разгорался / У ног твоих Младенец весь в лучах. / Жена и муж над ним молилися в слезах. / А ты, загадочный, глядел и улыбался» («Перед сфинксом»). То, что дивная картина «освящения» вселенной, вызванная присутствием младенца Иисуса, создается визионерством Агасфера, показывает амбивалентное отношение автора к данному персонажу.

С одной стороны, поэт сочувствует страданиям Вечного Жида, его тоске по идеалу, неумному стремлению отыскать «правды рай недостижимый», экзистенциальному одиночеству. Автор наделяет Агасфера непокорной бунтарской натурой, противоречивой и мятежной, склонной к самоанализу и скепсису. В его образе просматриваются такие черты романтического героя, как эгоцентризм, презрение к толпе, избранность, мировая скорбь, которые перекликаются с общими настроениями эпохи 1880 – 1890-х годов XIX века. Как известно, «организующими» настроение и эмоциональное состояние восьмидесятников становятся грусть, печаль, страдания, уныние, определяющие общий минорный тон их мироощущения.

Оксюморонное совмещение отчаяния и надежды, любви и скептицизма, богоискательства и богоборчества становится доминантой образа Агасфера: «Я тот, кто, всех любя, всем стал невольный враг, / Чья грудь полна молитв, а речи отрицанья, / Кто водрузил сомнений черный стяг / На всех вершинах мысли и познания» («Я тот, кто осужден без отдыха идти...»). Богатый жизненный опыт позволяет ему трезво оценивать человечество, которое во все времена довольствуется незатейливыми радостями, легко поддается соблазнам и порокам, малодушно зависит от случайностей и без особых угрызений совести переходит от прославления Бога в радостях к Его порицанию в неудачах. Отличие Агасфера в том, что он стойко несет свой крест, что он «сам своя судьба, и вечен оттого» («Ты хочешь повесть знать моих морщин глубоких...»). Если его собрат по «коротанию веков» сфинкс взирает на

человечество с равнодушной загадочной улыбкой, то Агасфер страстная натура. Печать греха как назидания дает ему право выступать в роли обличителя лживости людских кумиров, «громко ищущих Бога» («Сон Агасфера»).

С другой стороны, Странствующий Жид «человеко-демон», который противопоставлен Богочеловеку. Хотя Агасфер и тяготится своей раздвоенностью «меж колыбелию пустою и гробом, ждущим похорон», участью быть вечно гонимым во враждебном ему мире, все же такое наказание он считает чрезмерным: «Мое бессмертие растет / С моим отчаянием вместе. / Он распят был лишь раз. Меня ж Голгофа ждет / Во всякий час, на всяком месте» («Сон Агасфера»). А.Ханзен-Леве называет Агасфера «диаволически извращенным мессией», несущим несомненные черты лермонтовского Демона» [13 : 314]. С западным русистом солидарна Л. Щенникова, которая считает, что «в отличие от лермонтовского Демона, другого скитальца, давно отвергнутого Богом, Агасфер Минского дважды отверг Божию Благодать: впервые, когда отвернулся от Христа «с венцом терновым на челе», второй раз, когда не захотел уразуметь красоту мира Божьего» [11 : 153]. Если с первой частью высказывания мы полностью согласны, то со второй хочется поспорить. Один из аргументов приведен нами выше, когда речь идет о красоте Божьего мира, освященного присутствием Чудного младенца, которая подается в восприятии Агасфера. Второй – его сон, в котором «гений разрушенья» рисует апокалипсическую картину гибели земли, в результате которой «окончится тысячелетний плен» героя. Получить искупление от мук такой ценой бессмертный Агасфер не хочет – он в ужасе просыпается от такого видения. В скобках заметим, вещие сны поднимают Агасфера над среднестатистическим уровнем, поскольку являются человеку посвященному, чаще всего пророку.

Циклообразующий лейтмотив – поиски небесной истины как условия восстановления утраченной гармонии, возможности избавиться от проклятия бессмертия и обрести «желанный сон могилы» – кроме лексического и образного уровней поддерживается автоцитациями. Так, строки из первого

стихотворения «Агасфер», принадлежащие Спасителю: «За то, что ты отверг небесную святыню, / Ищи святыню на земле» повторяются в «Сне Агасфера». Они напоминают о судьбоносном событии в жизни иерусалимского башмачника (дне, «навекы незабвенном»), воскрешая в «памяти его тот страшный час», когда он в гордыне отвернулся от Бога. В отличие от легендарного Агасфера, который меньше всего задумывается над трансцендентными проблемами (по одной из версий, он просто решил покрасоваться перед соплеменниками рвением и благочестием), Вечный Жид Н. Минского наделен интеллектом и сознанием современника. Он весьма скептически отзывается о позитивистских теориях прогресса, утверждая, что цивилизация не способствует духовному просветлению людей, что в их сердцах по-прежнему царит «тьма гробницы» («Сон Агасфера»). Он четко понимает различие «правды земной» и «правды небесной». Можно утверждать, что в образе Агасфера поэтом зафиксирован процесс «отчуждения» интеллектуально развитого человека от исторически сложившейся и мощно питавшей многие века христианской духовной парадигмы. Примечательно то, что отчаяние совмещается с «жаждой жгучею святынь» и надеждой на обретение нового связующего мир Начала, которым есть Бог. Яркое доказательство – восстановление духовной вертикали между Богом и странником – с небес спускается Книга книг, которая станет ему отчизной и приютом: «В начале там прочтешь: «В начале». И хотя стихотворение «Видение Агасфера» заканчивается осколочной цитатой из Евангелия от Иоанна, читатель без труда ее восстановит в памяти: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Осудив Агасфера, Иисус дает себя в замену смерти. Мир для вечного странника становится книгой Благовестия, в которой Христос есть путь, Истина и Жизнь.

Как представляется, финал судьбы Агасфера подсказывается как русской религиозно-философской традицией, так и характерологическими чертами, которые можно проследить в именовании персонажа. Автор называет его гордым, человеко-демоном, скитальцем, скитальцем страстным, стариком,

усталым, бессмертным и единым, неутомимым, покорным грозной силе и т.д. Среди лексем с коннотациями неприкаянности, опустошенности, тотального одиночества обращает внимание его название странником, а его передвижений странничеством. И это весьма симптоматично. Как представляется, в сфере авторского отношения к персонажу актуализирован «вечный концепт духовного странничества» (Ю. Степанов), неоднократно отмеченный как одна из констант народной веры и русской ментальности (Н. Бердяев, Г. Федотов, Г. Флоровский). В аспекте нашего исследования плодотворны идеи Ю. Степанова. В семантическом поле концепта духовного странничества семиотик сосредоточивает внимание на таких его компонентах, как перемена мест (физическая или ментальная); крест / судьба (в двух формах: спокойной – уход из мира; и трагической, неканонической, раскола – бегство в скиты и вольные земли); скитальчество (компонент этически двойственный, предмет как воспевания, так и порицания); и, наконец, духовное странничество = беспокойство в значении, засвидетельствованном в неоднократно цитированном высказывании из «Исповеди» Блаженного Августина: «...Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» [1 : 53]. Таким образом, «беспокойный» – это «ищущий пути к Богу» и не знающий покоя, пока не найдет Его и не соединится с ним» [10 : 40].

Решение участи Агасфера на пути созидательной идеи христианской веры свидетельствует о преемственности поэта раннего символизма с поэзией русского романтизма. Так, В. Жуковский в неоконченной поэме «Агасфер – Вечный Жид» («Странствующий Жид») показывает перерождение героя, который становится христианином после встреч с мучеником Игнатием, взгляд которого напоминает ему глаза Христа, и апостолом Иоанном Богословом, крестившим Агасфера на Патмосе.

Сохраняется ли эта традиция у последующих авторов? Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к поэме Ю. Кузнецова «Сошествие в ад», в которой трансформация мифологемы Агасфера решается в русле концепта духовного странничества.

Лироэпические поэмы «Путь Христа» и «Сошествие в ад» написаны Ю. Кузнецовым в начале второго тысячелетия от рождества Христова. Это его «закатные» произведения, в которых он подводит итог своей творческой и земной жизни: «Отговорила моя золотая поэма, / все остальное – и слепо, и глухо, и немо». В поэме Ю. Кузнецова «Путь Христа» модифицируются жанровые признаки «современного апокрифа». Сюжетообразующей является мифологема Пути: земного пути Иисуса, включающего Его крестный путь на Голгофу и Воскресение, и пути трансцендентного – лирического субъекта ко Христу, реализованного в концепте духовного странничества.

Духовное странничество отражает реконструкцию различных форм религиозного опыта, одной из которых является скитальчество, ставшее скоро «на Руси двусмысленным – как формой подлинной религиозности, так и формой ипокритства, тунеядства» [10 : 31]. В поэме «Сошествие в ад» мотив скитальчества раскрывается в знаковой для европейской культуры (как христианской, так и секулярной) фигуре Агасфера. Образ Вечного Жида упоминается дважды: в эпизоде крестного пути Иисуса и в монологе воскресшего Сына Человеческого у могильной пещеры. Ю. Кузнецов в основном сохраняет топику и фабулу христианской легенды, однако из двух вариантов ее развязки (раскаяние и примирение или проклятие и наказание) автором выбирается более жесткий и расставляются несколько иные, по сравнению с Н.Минским, акценты относительно вины Агасфера. В художественной реальности поэмы Вечный Жид обречен на вечное скитальчество и ему никогда не получить искупления своих грехов: «И разглядел Агасфера Христос, и прощенья / Не дал ему: Ну так жди Моего возвращенья!» Или: «Кровь будет пить он по капле, не зная прощенья, / И всякий раз ожидать Моего возвращенья».

Как представляется, в мифотворчестве Ю. Кузнецова образ Агасфера может быть идентифицирован в парадигматике индивидуалиста Нового времени, лишённого национальной «привязки» носителя секуляризированного сознания. Это личность, оторвавшаяся от небесно-земного согласия в эпоху Возрождения,

своего рода воплощение и итог развития европейской культуры «фаустовского типа» (О. Шпенглер). Опустошенность рационализмом («Будет пищать его разум, как злобный комарик»), позитивистское стремление во всем, в том числе и в вере, обрести систему доказательств: «Если докажешь, что ты настоящий Христос, / Я утолю твою жажду», – выступает доминантой такого мировосприятия. В образе Агасфера воплощен кризис безблагодатного сознания, неспособного никогда выйти за пределы самого себя и построить духовную вертикаль взаимоотношений с Богом в силу убогости разума и мелочности сердца, одинаково маркированных автором уничижительным сравнением со «злобным комариком»:

Станет молиться, и сердце молитвой засалит,

Горько заплачет, и землю слезами ужалит.

Хоть упадут его слезы, как Божья роса.

Он никогда не поверит, что есть Небеса [4 : 21].

Продолжая решать дихотомию «вера / разум» в пользу веры: «Вера – самая неподходящая область для рациональных рассуждений» [2], Ю. Кузнецов снова обращается к сквозному мотиву своей художественной системы – евангельскому колодцу воды живой, из которого Агасферу никогда не дано напиться. Скитальчество Вечного Жида, на протяжении веков задающего единственный вопрос: «Вы не видали в пути человека с крестом», представляет собой кружение в модусе «дурной бесконечности». «Чаша бессмертья», которую он украл, а не удостоился спасения по вере и Божьей благодати, обернулась вечным проклятием: «Плачьте, народы, рыдайте о Вечном Жиде». Таким образом, концепт духовного странничества в поэме Ю. Кузнецова содержит две антитетичные компоненты с диаметральной аксиологией и оценочными характеристиками: «скитальчество» маркировано автором крайне негативно, аналогом богооставленности, в отличие от другой его ипостаси – «беспокойства», исполненного высокого сакрального смысла Богопознания и Богоискательства в свете последних времен.

Таким образом, в национально-религиозном сознании Ю. Кузнецова образ Вечного Жида лишен амбивалентности или сочувствия, характерного для поэзии модернизма (К. Бальмонт «Разлука! След чужого корабля»; Ф. Сологуб «На нем изношенный кафтан»; «Возроптали иудеи»; И. Коневской «И путник я под солнцем, на распутьи»; М. Цветаева «Был Вечный Жид за то наказан...»), в нем нет привлекательности авантюрного или романтического героя (В. Жуковский, Э. Сю). Более того, в обрисовке современного поэта он не только одномерно негативен: циничный, жестокий, он еще и вор, укравший священную чашу Грааля. Таким образом, автор создает свой миф об Агасфере с сохранением основного «ядра» и структур мифологического мышления, но иной идеологической наполненностью.

Литература

1. Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. Общая редакция и статья А. А. Столярова / Аврелий Августин. — М.: Канон + ОИ «Реабилитация», 2000. — 464 с.
2. Кузнецов Ю. «Отпущу свою душу на волю... / Юрий Кузнецов // Литературная Россия. — 1995. — 1 сент. — С. 10 — 11
3. Кузнецов Ю. Путь Христа / Юрий Кузнецов // Наш современник. — 2001. — №2. — С. 3 — 24.
4. Кузнецов Ю. Сошествие в ад // Наш современник. — 2002. — №12. — С. 15 — 46.
5. Ранние символисты: Н.Минский, А.Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав., примеч. А.Кобринского и С.Сапожкова (Новая Библиотека поэта). — Пб.: Академический проект, 2005. — 698 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 — х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Рос. энциклопедия, 1997.

7. Нямцу А. Е. «Бессмертный странник в человеческом мире» / К проблеме литературного функционирования легенды об Агасфере в контексте христианской аксиологии» / А.Е.Нямцу // Нямцу А. Е. Легендарные образы в литературе — Черновцы: «Рута», 2002. — С. 127 — 164.

8. Самсонова О.Н. Творчество Н.М. Минского: феномен этнокультурного самоопределения писателя: автореф. дисс. канд. филол. наук. / Самсонова О.Н. — Тюмень, 2009. — 16 с.

9. Скуратовский В. Агасфер – вечный жид / В. Скуратовский // Чайка. — 2001. — № 2 (2) от 16 мая. — С.24 — 30.

10. Степанов Ю. С. Концепт «духовного странничества» в России XIX и XX века Ю.С.Степанов // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская. — М., 1996. — С. 29 — 43.

11. Щенникова Л.П. О культурно-историческом значении русской поэзии 1880 — 1890 — х годов (С. Надсон, Н. Минский) / Л.П.Щенникова // Известия Уральского государственного университета. — 2003. — № 25. — С.145 — 167.

12. Щенникова Л.П. Русский поэтический неоромантизм 1880 — 1890 -х годов. Эстетика. Мифология. Феноменология. / Л.П.Щенникова — М.: Серебряный век, 2010. — 479 с.

13. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве — СПб.: Академический проект, 1999. — 512 с.

14. Юнг К.Г. Бессознательное рождение героя / К.Г.Юнг // От Эдипа до Осириса – М., 1998. – С.238 – 308.